

УДК 17.021.4

Евдошенко А. Л.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

СООБЩЕСТВО ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

В статье рассматривается идея сообщества. Дан краткий обзор возникновения социологических представлений о сообществе, проведены разграничения между различными типами сообществ. Идея сообщества представлена отдельно, в качестве общего принципа, лишённого полного воплощения. Сообщество, как философский концепт, социологическими методами не фиксируемо. Рассмотрена связь между сообществом и медиа, прослежены параллели между медиа-теоретическими идеями Б. Гройса и теорией сообщества. Разработано употребление категории подозрения в дискурсе сообщества.

Ключевые слова: сообщество, подозрение, коммуникация, революция.

У статті розглядається ідея спільноти. Представлений короткий огляд виникнення соціологічних уявлень про спільноту, проведені розрізнення між окремими типами спільнот. Ідея спільноти уявлена окремо, в якості загального принципу, що не має конкретного втілення. Спільнота як філософський концепт, соціологічними методами не фіксується. Розглянуто зв'язок між спільнотою та медіа, простежені паралелі між медіа-теоретичними ідеями Б.Гройса та теорією спільноти. Розроблено використання категорії підозри у дискурсі спільноти.

Ключові слова: спільнота, підозра, комунікація, революція.

This article discusses the idea of community. A brief review of the sociological concepts of community, made distinctions between the different types of communities. The idea of community is presented separately, as a general principle, devoid of full implementation. Community, as a philosophical concept, sociological methods are not fixable. The relationship between the community and media, traced the parallels between the media-theoretical ideas Boris Groys and the theory of community. Developed by the use of categories suspect in the discourse community.

Key words: community, suspicion, communication, revolution.

Мысль о сообществе возникает всякий раз, как только мы слышим призыв к тому, чтобы «быть вместе» (или же констатацию того, что мы «уже вместе»). Не всегда понятно, что именно это может означать. Несомненно, подобные призывы и лозунги раздаются сегодня не реже, а то и чаще, чем когда-либо. *Актуальность* и сложность постановки вопроса о сообществе для нас заключается в том, что мы не можем воспользоваться ни одним из существующих его определений. С одной стороны, мы не хотим ограничивать себя рассмотрением только лишь идеи сообщества в наиболее абстрактном её смысле, с другой стороны, мы не можем также воспользоваться без известных оговорок и изменений и разработанным социологическим дискурсом сообщества.

Задача, которую мы ставим перед собой в данной работе, – это прояснение философского концепта сообщества, исходя из категории подозрения. *Целью* статьи является разбор негативной природы сообщества, доказательство его не-событийности и не-присутствия. *Новизной* нашего подхода можно считать соотнесение вопроса о сообществе и медиа-теории.

Жан-Люк Нанси определяет сообщество как «безусловное требование бытия-вместе» [14, с. 147]. Попробуем проследить историю этого требования. В самом общем виде идея сообщества опирается на ту простую интуицию, скорее религиозную, нежели философскую, что мир человечества является единым. Начиная, по крайней мере, с осевого времени, данная идея, в том или ином виде имела место. Онтологически для общности достаточно того, что бытие едино, и этот онтологический аргумент вряд ли может потерять свою значимость. Единство бытия есть гарантия абсолютно виртуального (в том смысле, в котором этот термин употребляет Жиль Делёз [10]) существования сообщества. Проблему для нас составляет выяснение условий актуализации сообщества. То, что очевидно онтологически, на уровне социальной и нравственной теории оказывается нереализуемой утопией, хотя бы и постоянно актуализуемой со стороны практики.

В данной работе мы предполагаем ограничиться рассмотрением той традиции мышления сообщества, которая *была разработана* в работах ряда мыслителей XX века (Ж. Батай [3; 4], М. Бланшо [6], Ж.-Л. Нанси [14], Дж. Агамбен [1], О. Аронсон).

Но прежде, чем обратиться к данному предмету, представляется уместным сделать два кратких отступления: в первом из них, историческом, мы кратко рассмотрим связь идеи сообщества с идеей Просвещения, во втором же попробуем расположить выделяемый нами концепт сообщества относительно сформировавшихся в социологии терминов, во избежание путаницы.

1) Проект Просвещения дал нам то концептуальное поле для размышления о сообществе, в котором мы находимся и сейчас. Подробная разработка этой проблемы в рамках данной работы невозможна, поэтому мы остановимся на двух моментах. Во-первых, это проект вечного мира Иммануила Канта, во-вторых, – идея сообщества ученых как основной направляющей силы прогресса.

Проект вечного мира И. Канта [12] представляет собой первую ясную попытку помыслить единое сообщество в мировом масштабе в контексте более или менее современных политических понятий. Кант делает один очень важный для нас шаг: в работе «Религия в пределах только разума» он отмечает, что общество в перспективе своего развития можно мыслить только как нравственное единство подобное церкви, но при этом не зависящее от любых религиозных догматов. Тем самым он выводит идею сообщества, которое не зависит от конкретной социальной принадлежности, будь то христианство или что-то ещё. В эпоху Просвещения идея христианского сообщества как церкви духа переживает глубокий кризис, в качестве ответа на него появляется огромное количество разнообразных социальных образований, которые претендуют на то, чтобы перенять его роль. Количество «тайных обществ» с духовным или мистическим уклоном появившихся в этот период поражает. Мы не будем здесь исследовать социологию этих социальных образований, которая весьма разнообразна, для нас достаточно того, что в интеллектуальном климате эпохи явственно присутствовала идея «сообщества разума» («республика учёных», «невидимый колледж»). Кант – в своих рассуждениях о Просвещении – выразил эту идею в максимально чистом виде, избавив её от всякой мистики и от всякой иерархичности. Как мы попытаемся показать ниже, идея тайного общества, объединяемого принципом разума, в том виде, в котором она сформировалась в эпоху Просвещения, позволяет прояснить многое в наших сегодняшних проблемах с сообществом.

2) Что касается социологической традиции употребления термина «сообщество», то его обычно начинают с работы Фердинанда Тённиса «*Gemeinschaft und Gesellschaft*» [16] (Сообщество и общество). *Gemeinschaft* обычно переводят как сообщество (англ. – community). Мы будем использовать для данного понятия термин «община», поскольку под сообществом в данной работе мы подразумеваем нечто кардинально отличающееся от *Gemeinschaft* Тённиса. Общину и общество Тённис вводит как два принципиально отличающихся способа социального объединения. Община, с одной стороны, это нечто органическое, кровно-почвенное, родственное и способно реализоваться скорее в сельской местности. С другой стороны, общество это механическое и искусственное отчужденное образование, связанное с городской жизнью, капитализмом и отчуждением. Выделение этих двух идеальных типов общественного объединения, вплоть до описания свойственной каждому из них антропологии, оказало значительное влияние на общее развитие социологии и продолжает оказывать до сих пор. Дальнейшее развитие понятия общины (особенно в англоязычной традиции) двигалось в направлении выделения общинных форм не только в до-модерном, «деревенском» виде. Имеется огромное количество исследований, посвященных локальным племенным общинам и разнообразным формам городских общин (круг соседства, субкультуры, религиозные общины, общества по интересам, корпоративная культура). Всё это привело к тому, что в англоязычной социологической и публичной традиции термин community (который обычно переводят как сообщество) приобрёл весьма расплывчатые очертания. Следует заметить, что сам термин община у Тённиса имеет явственные ностальгические, пасторально-утопические и романтические коннотации. Разговоры о естественности общины начинаются тогда, когда её самой уже не существует, когда она уже разрушена общественными процессами модернизации. Именно поэтому мы и можем утверждать, что само понятие общины (сообщества) это порождение современного времени, одержимость модерна

возвращением утраченной общности. Те тайные общества, которые мы упоминали выше, рассматриваются нами как частное проявление этой тенденции.

Однако, начиная с середины XX века всё больше исследователей отмечают ограниченность дуальной оппозиции община/общество и предпочитают описывать новые возникающие формы общности при помощи термина сеть или сетевое сообщество (network community) [2; 7, с. 102]. Сетевое сообщество явно отличается как от традиционного сообщества, так и от общества в целом. Согласно классическому определению, это форма социальной общности, функционирующая благодаря «слабым» эмоциональным и социальным связям, в противовес «сильным» связям традиционного сообщества. Теория сетей тесно связана с развитием средств коммуникации и с выяснением того, каким образом люди не являющиеся тесно связанными (часто вообще не являющиеся связанными) между собой могут действовать сообща.

Всё это социологическое отступление понадобилось нам для того, чтобы определить искомое понятие сообщества негативным образом. Сообщество для нас не является ни общиной, ни обществом, ни сетью. Любое из этих социальных образований может быть, если можно так выразиться, материалом, на котором проявляется принцип сообщества, но с тем же успехом оно может и не быть таковым. [6] Принцип сообщества, как мы отметили в начале, является вселенским, поэтому любое конкретное социальное объединение может считаться его проявлением в той мере, в которой оно в онтологическом смысле открыто. С точки зрения чистой и строгой социологии никакого сообщества не существует, поскольку социологическими методами оно не фиксируется – с нашей точки зрения, это входит в его определение. В дальнейшем тексте работы мы будем употреблять термин Сообщество (с большой буквы), когда речь будет идти о некоем абстрактно мыслимом горизонте общности, сообществом же (с маленькой буквы) мы будем именовать любое конкретное социальное объединение людей (независимо от того, является ли оно социологически общиной, сетевым сообществом или же чем-то ещё).

Переходя к основной идее статьи, выдвинем тезис: сообщество всегда находится под подозрением. В своей работе «Под подозрением: феноменология медиа» [8] Борис Гройс вводит подозрительность как определяющую характеристику субъекта. («Субъективность принадлежит темному, принципиально недоступному, недостижимому пространству подозрения», субъект подозрителен по определению). Мы можем со своей стороны, совершить параллельный жест и сказать, что всякое конкретно существующее сообщество подозрительно по определению. Оно является подозрительным в нескольких смыслах.

1) Во-первых, подозрение проистекает из изолированности индивида. Мы можем назвать этот вид подозрения «подозрением о неполной искренности». Попробуем объяснить, о чём идёт речь. М. Бланшо начинает рассуждение о сообществе с констатации того факта, что каждый индивид сам по себе недостаточен, несёт в себе некую неполноценность. [6, с. 15] Этим обусловлена сама возможность существования сообщества. Он замечает также, что «сообщество может разрешиться в причастность» (оставим пока в стороне тот факт, что подобный вариант развития кажется Бланшо тупиковым). Нетрудно заметить, что причастность никогда не может быть абсолютной, это всегда некоторая конкретная и ограниченная причастность, тогда как желание индивида к восполнению своей недостаточности не может не быть абсолютным. Это желание и является созидающей силой Сообщества. И с этим желанием всегда связано подозрение, что существует более глубокая степень причастности, нечто более искреннее, более совершенное сообщество и более полное с ним слияние. Можно сказать, что любое конкретное сообщество существует благодаря этому подозрению. (Нетрудно заметить прямую аналогию между нашей идеей о способе существования сообществ и способом существования знаков на медиальной поверхности по Гройсу. Ниже мы попытаемся объяснить это совпадение).

2) Во-вторых, само представление о возможности Сообщества имеет свойство порождать у индивида параноидальные идеи. Как мы уже отметили, индивид не способен добиться полного слияния с сообществом, но всегда оказывается изолирован. Если добавить к этому переживанию собственной отчуждённости мысль о том, что весь остальной мир пребывает в некоей общности, то мы получаем идею заговора. (см. «Культура заговора» [13]). Не следует пытаться отменить подобные представления как легкомысленные или же ненаучные – хотя конкретные осуществления идеи заговора (например, вера во всеобщий

масонський заговор или в инопланетян) являються очевидним бредом, сама модель конспірологічного підозрення заслуговує більш пристального розгляду. В основі її лежить представлення про некое сообщество, которое «управляет миром». (Это может быть как группа банкиров иудейского происхождения, так и архонты из гностической мифологии, детали здесь не важны). В наиболее распространённом варианте это сообщество является злокозненным и враждебным по отношению к миру вообще и к субъекту в частности. Эта злонамеренность чаще всего не получает объяснений. Нам будет сложно понять внутреннюю логику данной, на первый взгляд абсурдной, идеи, если мы не рассмотрим другой, реже встречающийся вариант представления о «тайном сообществе», как о собрании праведников или просветлённых. В этом случае параноический бред может принять форму утверждения, что субъект действует от имени данного сообщества. Как мы видим, дело снова упирается в вопрос о причастности.

То, что в патологических случаях принимает форму бреда, даже в случае здоровой психики, остаётся одним из шаблонов нашего мышления о сообществе. Субъект в любой момент может подозревать, что сообщество актуализировалось в сообщество всех окружающих против него. Поэтому пребывание в сообществе, открытость ему, всегда является риском для субъекта.

Таким образом, субъект оказывается зажат в тиски двойного подозрения: с одной стороны, он стремится к большей искренности и вовлечённости в надежде, что это избавит его от недостаточности (строго говоря, от смерти), с другой стороны, он не может не опасаться, что всё это является тотальным обманом, симуляцией сообщества, созданной с неизвестными ему, но явно враждебными целями. (Часто цели, впрочем, являются вполне очевидными – спекуляция на чувстве причастности является весьма успешной стратегией ведения бизнеса).

3) В-третьих, сообщество подозрительно не только с точки зрения субъекта. Всякое сообщество подозрительно с точки зрения власти. Этот тезис можно сформулировать абстрактно в том смысле, что принципом всякой власти есть разделение и превосходство. Сообщество же как принцип в этом отношении анархично. Конкретные исторические формы власти и конкретные исторические формы сообщества связаны друг с другом, что можно было бы проследить, используя типологию форм власти подобную тому, что обрисовывал Фуко. Сообщество ориентировано на ускользание от власти, поэтому его формы развиваются параллельно развитию институтов дисциплины и контроля. Как мы уже упоминали выше, сама идея сообщества, как мы сегодня её знаем, является порождением Модерна, иными словами порождением дисциплинарного общества и реакцией на него. Этим же объяснимы коннотации с преступлением и безумием, столь часто возникающие, когда речь идёт о сообществе. Сообщество подозрительно, поскольку подозрительно всякое со-общение вне институтов власти. Если бы это было не так, какой смысл имел бы закон о свободе собраний и как бы иначе мы могли объяснить постоянные попытки любой власти ограничить это «фундаментальное право человека».

Крайним выражением этой точки зрения можно считать высказывание Хаким Бея с его «онтологическим анархизмом» [5] о том, что любое собрание уже представляет собой вызов власти и революционное действие. Данное утверждение весьма сложно доказать в столь категоричной формулировке, но мы всё же можем сказать, что идея Сообщества в самом общем виде связана с идеей революции как радикального изменения порядка вещей. Естественно, речь не идёт о революции в понимании конкретной (марксистской или любой другой) исследовательской традиции. Стоит отметить, что именно сообщества сетевого типа исторически и являлись активной движущей силой большинства революций. С другой стороны, история знает немало примеров, когда при наличии аналогичных сетевых сообществ революции не происходило. Мы не можем здесь подробно исследовать, в каком смысле сообщество является необходимым но не достаточным условием революции в обществе, нам следует лишь подчеркнуть, что Сообщество революционно в том смысле, что оно неизбежно порождает утопию, очередное видение общности, хотя само таковым и не является.

Ко всему вышеизложенному можно добавить, что есть и сугубо исторические причины считать сообщество подозрительным. Нанси в своей работе «Непроизводимое сообщество» [14], являющейся для нас фундаментальной, прямо говорит что сегодня опыт сообщества дискредитировал себя. Имеется ввиду конкретный исторический опыт XX века (немецкий нацизм и сталинизм являются наиболее явными примерами, но не единственными).

В связи с недоверием к идее Сообщества можно вспомнить размышление Делёза о том, что каждая революция заканчивается реакцией [9, с. 45]. Невозможно проследить, отмечает Делёз в другом месте, тот момент, когда революционное движение становится реакционным. [9, с. 210] В наших терминах этот вопрос звучит как то, когда революционность идеи Сообщества приводит к построению закрытых форм общности. По выражению Бланшо, «всякое сообщество может разрешиться в причастности». Таково действие подозрения. Однако, требование сообщества остаётся. И Делёз, и Нанси признают это. [14, с.140; 9, с. 235] В работах Деррида мы также можем найти отсылки к подобному пониманию требования общности («новый интернационал», см. фрагмент о совместности в «Призраках Маркса» [11]). Во всех случаях мы наблюдаем призыв к некоторому фундаментальному доверию по отношению к миру, которое было бы способно противостоять любым подозрениям. Это доверие следует отличать от обычного требования доверительности при коммуникации.

Нельзя сказать, что мыслимо некоторое идеальное сообщество доверия в противовес к сообществам подозрения. Идеальное сообщество вызывает подозрение ещё больше, когда оно лишено всякого конкретного образа. Мы говорим о некоем *странном* доверии (сочетающемся с обычной подозрительностью) которое может быть проиллюстрировано притчей о путешествии в Эрнаум, когда двое путников оказывают доверие третьему, не зная, что он есть Христос. Характерно, что после момента узнавания Христос исчезает.

Попробуем разобраться со связью Сообщества и коммуникации. (community and communication). С одной стороны, сообщества существуют благодаря коммуникации и посредством коммуникации. Именно поэтому нам удалось достаточно органично перенести представленную Гройсом схему функционирования медиа-среды на сообщества [8, с. 189-197]. С другой стороны, мы хотим выдвинуть тезис о том, что сообщество существует вопреки коммуникации. Тезис этот можно понимать в двояком смысле.

1) Можно сказать, что любое конкретное сообщество существует потому, что коммуникация несовершенна и связи, формируемые ею, ограничены. Это, несомненно, верно. Проблема лишь в том, что идея совершенной коммуникации является столь же абстрактной, сколь и идея Сообщества. Эти две абстракции связаны исторически и логически, но, на наш взгляд, их смешение может привести к заблуждению. Ниже мы попробуем прояснить, как именно на наш взгляд они связаны.

2) Второй способ прочтения менее очевиден. Мы можем здесь отталкиваться от тезиса Нанси о том, что Сообщество существует благодаря прерыванию мифа [14, с. 78] или прерыванию коммуникации (письма) [14, с. 114]. Именно конкретная коммуникация, понимаемая как *требование подтверждения* общности, и приводит Сообщество к подозрению. Обратимся к крайне интересной работе Д. Питерса «Слова на ветер: история идеи коммуникации» [15]. Коммуникация, если верить Питерсу, обречена на провал, что несколько не противоречит нашей постановке вопроса. Но этот провал, однако, не может быть воспринят как трагедия. Исходя из двух выделяемых Питерсом базовых парадигм коммуникации – диалог и рассеивание – именно неограниченное рассеивание («бросание слов на ветер»), которое трактуется Питерсом, исходя из модели евангельской проповеди, соответствует тому, что мы называем требованием Сообщества. Что для нас важно в работе Питерса, так это его критика идеала успешной обоюдной коммуникации, в которой достигается абсолютное взаимопонимание. Сообщество не рассчитано на взаимность и не нуждается в подтверждении искренности. Или, выражаясь иначе, Сообщество не требует подтверждения присутствия, в каком бы смысле присутствие не интерпретировалось.

Развивая тему, хотелось бы также отметить момент не-событийности Сообщества. Ничего значимого не происходит с точки зрения Сообщества, никаких «моментов истины» или «моментов подлинности». То, что может казаться таковым, требует разоблачения. Возможно, наиболее чуждой Сообществу является идея величия или свершения, а также подвиг, как принесение в жертву индивидуального ради общего. (Бланшо: «Сообщество это не обиталище власти» [6, с. 34]). Сообщество скорее можно назвать циническим, поскольку оно отвергает любую претензию на великое Событие, противопоставляя торжественности и пафосу традиционных сообществ ницшеанскую насмешку. Сообщество не разделяет особое и выдающееся (то, что могло бы стать основой События), но претендует на принятие *любого, как важного* – подробному обоснованию данного тезиса посвящена книга Агамбена «Грядущее сообщество» [1].

Сообщество не является каким-то пред-заданным единством вне нашего сознания, в которое мы экстатически погружаемся, выходя за собственные пределы. Напротив, сообщество в некотором смысле и является нашим сознанием. Имеется в виду не «планетарное сознание», как единая высшая система, но сознание как условие понимания общности.

Выводы. Итак, идея Сообщества есть итог того распада общественных объединений, который мы связываем с проектом Модерна. Сообщество может представляться способом интеграции вне-разумного (мифа, веры, почвы, крови, любви, священного) в систему разума. Сообщество в этом смысле всегда разрушительно для общества (революционно). Общество здесь можно понимать как утопию всеобщей равномерной и абсолютной коммуникации, сообщество разрушает его, постулируя ограниченность нашего со-общения. Однако, если допустить, что не существует никаких «сообществ без разума», то конкретное сообщество предстает лишь способом работы с этим разделением разумного/неразумного, актуализацией самого разума.

Мы видим Сообщество как проявление права на отсутствие, ускользание. Если сообщество подозрительно согласно самой своей форме и при соприкосновении с ним неизбежно возникает складка причастности и складка конспирологии, не говоря уже о складках власти, то одновременно Сообщество может открыть для нас новый способ доверия. Парадоксальным образом Сообщество использует подозрение как инструмент доверия. Не имея решительно никаких рациональных причин принимать окружающую действительность и окружающих людей, мы всё же принимаем это.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Д. Грядущее сообщество / Джорджио Агамбен; [пер. с ит. Дм. Новикова]. – М.: Три квадрата, 2008. – 144 с.
2. Арквілла Д. Мережі і мережеві війни / Джон Арквіла, Девід Ронфельдт; [пер. з англ. А.Ю. Іщенко]. – К.: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”, 2005. – 348 с.
3. Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология / Жорж Батай; [пер.с франц. С. Зенкин]. – М.: Научно-издательский центр “Ладомир”, 2006. – 523 с.
4. Батай Ж. Сакральная социология современного мира / Колледж социологии: тексты Ж. Батая, Р. Кайуа, П. Клоссовски и др.; [составлено Д. Олье; пер. с франц. под ред. В.Ю. Быстрова]. – СПб.: Наука, 2004. – 588 с.
5. Бей Х. Хаос и анархия: революционная сотериология / Хаким Бей; [пер. с англ. О. Бараш]. – М.: Гилея, 2002. – 172 с.
6. Бланшо М. Неописуемое сообщество / Морис Бланшо, [пер. с фр. Ю. Стефанова]. – М.: МФФ, 1998. – 180 с.
7. Больц Н. Азбука медиа / Норбер Больц; [пер. с нем. Л. Ионина]. – М.: Европа, 2011. – 136 с.
8. Гройс Б. Под подозрением: феноменология медиа / Борис Гройс; [пер. с нем. А. Фоменко]. – М.: Художественный журнал, 2006. – 199 с.
9. Делёз Ж. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; [пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов]. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
10. Делёз Ж. Актуальное и виртуальное: [электронный ресурс] / Жиль Делёз; [пер. с франц. Ф. Подорога]. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1124.htm.
11. Деррида Ж. Привиди Маркса / Жак Деррида, [пер. з франц. І. Донченка]. – Х.: Око, 2000. – 272 с.
12. Кант И. Сочинения в шести томах / Иммануил Кант; [пер. с нем. под ред. Гулыги А.В.]. – М.: Мысль. – Т. 4, Ч. 1. – 1963. – 450 с.
13. Найт П. Культура заговора / Питер Найт; [пер. с англ. Т. Давыдовой]. – М.: Ультракультура 2.0, 2010. – 432 с.
14. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество [новое издание, пересмотренное и дополненное] / Жан-Люк Нанси; [пер. с франц. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого]. – М.: Водолей, 2009. – 208 с.
15. Пітерс Дж. Д. Слова на вітрі / Джон Дарем Пітерс; [пер. з англ. А.Ю. Іщенко]. – К.: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”, 2004. – 302 с.
16. Тьонніс Ф. Спільнота та суспільство / Фердинанд Тьонніс; [переклад з німецької]. – Київ: Дух і літера, 2005. – 262 с.